

Его взгляд был спокоен, потому что он знал, что хочет не этой эфемерной жалости.

Спустя долгое время он наконец произнёс:

— Моя мать оказала милость наложнице чжоуского правителя, если бы я захотел вернуться, способ нашёлся бы.

Фу Чэнцы, казалось, принял эту версию, многозначительно фыркнул:

— Ты, однако, хорошо устроился при Чжоуском дворе.

Отбросив явное презрение в его глазах, Лу Це намеренно исказил смысл его слов, улыбнулся:

— Спасибо за комплимент.

Вернувшись в Приказ Хунлу, они увидели Жуань Дао, уже давно ожидавшего у входа. Его одежда была такой же, как при отъезде, покрытая дорожной пылью.

Лу Це подошёл, взглянул на него, и тот очень сознательно шагнул следом.

Войдя в комнату, Лу Це спросил:

— Как продвигается дело?

Жуань Дао налил чай, почтительно подал:

— Уже мёртв, тело помещено в покойницкую, господину Шангуаню также тайно сообщили.

Лу Це отхлебнул чай, от долгого настаивания вкус стал терпким, он слегка нахмурился. Жуань Дао очень сознательно пошёл сменить старый чай.

Когда он вернулся с новым чаем, то увидел, что Лу Це сидит у стола, подпирая голову рукой, с закрытыми глазами притворяется спящим.

Жуань Дао поставил чайный набор бесшумно, как вдруг человек с закрытыми веками резко открыл глаза.

Встретившись с этими ясными, чёрно-белыми зрачками, спина Жуань Дао непроизвольно выпрямилась.

Лу Це уловил эту странность, его глаза-персики излучали редкую холодность, он улыбнулся:

— Пить чай так поздно — нехорошо. Мне здесь прислуга не нужна, иди спать.

Сердце Жуань Дао забилось, как барабан, в глазах Лу Це скрывалось слишком много смысла, слишком глубокого и холодного, что он не смел чрезмерно вникать и даже смутно боялся.

После ухода Жуань Дао в комнате снова воцарилась тишина. Лу Це достал тот амулет мира, отпечатавшийся в сердце горячим, пальцы провели по узору на нём, выражение лица и голос были спокойны:

— ... Князь Цзянбэй, Фу Чэнцы.

На следующий день Лу Це в Приказе Хунлу проспал до трёх палок, но вместо того, чтобы

Жуань Дао разбудил его, первым пришёл указ императора Чэндэ.

[По воле Неба, повелением императора. Ныне седьмой сын Чэндэ Лу Це, обликом прям, нравом добр, от природы одарён умом, жалуется титулом Хоулин, даруется усадьба, награждается пятьюдесятью рулонами узорного шёлка, десятью драгоценными украшениями и десятью предметами утвари, да будет так].

Лу Це поднялся, принял императорский указ, сжал жёлтый свиток в руке, костяшки пальцев выступили, на тыльной стороне руки проступили синие вены.

Передававший указ евнух с улыбкой произнёс:

— Поздравляю седьмого принца, о нет, этот глупый раб, отныне следует называть вас князем Лин.

[В угасшем огне снова вспыхнуло пламя, вечное и неугасимое. Князь Лин! Да разве достоин Лу Це? Отец-император действительно пожаловал прекрасный титул!]

В просторном кабинете окна и двери были плотно закрыты, вокруг висело множество холодного оружия, бессознательно вызывая ощущение духоты и напряжения. Говоривший был в пурпурном одеянии, весь его благородный облик был очевиден, чернильницы, тушечницы и кисти валялись на полу, чёрные чернила пропитали ковёр. Рассерженный мужчина с грубыми чертами лица, нахмуренными бровями, громоподобным голосом выглядел весьма устрашающе.

Когда гнев немного улёгся, он откинулся на стуле, несколько раз тяжело вздохнул, и первоначальная краснота лица постепенно спала. Холодным взглядом он окинул коленопреклонённого внизу:

— Лу Це переехал в усадьбу?

Тот покачал головой.

— Какие-нибудь движения?

— Когда подчинённый возвращался, наследный принц как раз направился в Приказ Хунлу.

— Зачем в Приказ Хунлу? О чём говорили?

Лу Гуань нахмурился, на лице появилось беспокойство.

Коленопреклонённый перед ним человек замер, покачал головой:

— Подчинённый не знает.

Лу Гуань, увидев это, рассердился не на шутку, резко поднялся, широкими шагами подошёл и пнул слегка дрожащее плечо того, гневно сказал:

— Я приказал тебе следить за Лу Це, а ты что за ерунду мне приносишь!

Лу Гуань, видя его глупое лицо, тут же прогнал:

— Вон! Следи за этой штукой Лу Це насмерть, если он посмеет устроить в столице какой-нибудь переполох, я ему покажу!

Тот поспешно выбежал, из-за спешки чуть не споткнувшись о порог, отчего у Лу Гуаня чуть не потемнело в глазах.

А тот, о ком вспоминали, Лу Це, вовсе не был так взбешён, как он. Человек, вызвавший в столице тихую воду, бурные волны и высокие валы, в данный момент беззаботно беседовал с тем подчинённым, которого Чжоу Танъинь оставил рядом с ним.

Только что евнух, передавший указ, ушёл, как в Приказ Хунлу пожаловал незванный гость. Лу Юй взглянул на императорский указ в его руке, в глазах мелькнула тень, затем снова появилась улыбка:

— Поздравляю седьмого брата.

Лу Це весело рассмеялся:

— Действительно стоит радоваться, только ваш младший брат сейчас переезжает, много пыли, не угодно ли брату удалиться? Поговорим в другой день.

Лу Юй пришёл почти сразу за евнухом, передававшим указ, просто чтобы заявить другим, что титул, пожалованный императором Чэндэ Лу Це, он уже знал заранее, а этот иероглиф «Лин» самый обычный, не стоит уделять ему много внимания.

Теперь, когда его цель достигнута, он тоже не хотел разыгрывать здесь братскую нежность с Лу Це. Лу Це не хотел его видеть, а он и сам не питал особой симпатии к своему седьмому брату.

— В столице сейчас много перемен, седьмой брат, не заблудись, я, наследный принц, пойду первым.

Выражение лица Лу Юя вдруг стало насмешливым, холодно бросив фразу, он вышел, взмахнув рукавом. На его лице была лёгкая холодность, словно досада.

Смотря на исчезающую в дверном проёме фигуру с развевающимися белыми краями одежды, Лу Це холодно усмехнулся. Боюсь, завтра вся столица узнает, что Лу Це, только что получивший титул князя Лин, уже рассердил такого чистого и прекрасного, как небожителя, наследного принца Лу Юя.

Когда его отправляли в Великую Чжоу, он был одинок, а вернувшись, кроме этих болезней, у него не было ничего другого.

Поэтому после ухода Лу Юя Лу Це тоже отправился в свою новую усадьбу, расположенную в углу Восточной улицы, вокруг разбросано несколько домов, до оживлённого рынка ещё далеко.

Прежде красные ворота сейчас облупились, колонны со всех сторон покрыты паутиной, даже каменные львы у входа покрыты толстым слоем пыли, если посмотреть ночью, так прямо как дом с привидениями.

Лу Це, Жуань Дао: ...

Лу Це почувствовал, как в груди заныло, и действительно, в следующий миг в горле стало горячо, он выплюнул кровь прямо перед своими воротами.

Жуань Дао в ужасе поспешил поддержать его к краю, хозяин и слуга единогласно решили, что

эти ворота пока открывать не будут. Жуань Дао достал из-за ворота лекарство, которое Чжоу Таньинь специально дал ему перед отъездом, и дал Лу Це.

Хорошее лекарство прошло по горлу, горечь прокатилась до самого низа, трудно глотать. Лицо Лу Це побелело на три тона, через некоторое время вернулся прежний цвет.

Жуань Дао похлопал его по спине:

— Как дела? Приступ яда? Не может быть! Всего несколько дней назад принимал лекарство.

Лу Це покачал головой, тяжёлым взглядом посмотрел на покрытые пылью каменные ступени рядом:

— Просто разозлился.

Когда приступ прошёл, Лу Це поднялся наверх и почувствовал, как сильно болят когда-то сломанные рёбра, сердце в груди гудело, словно в следующее мгновение, если что-то пойдёт не так, он мог бы сразу расстаться с жизнью.

Они открыли ворота новой усадьбы.

Лу Це подумал, что действие только что принятого лекарства, возможно, недостаточно сильное, или ароматический мешочек у пояса, успокаивающий дух, сейчас не работает, он только почувствовал, как кровь прилила к голове, глаза потемнели, и он упал в обморок на руки Жуань Дао.

В тот день в столице с радостью обсуждали не то, что Лу Це обидел наследного принца, а то, что этот новоиспечённый князь, увидев свою новую усадьбу, сначала выплюнул кровь, а потом сразу потерял сознание.

Все были в шоке, толпами направлялись к углу Восточной улицы, притворяясь прохожими, каждый интересовался, что же это за дом с привидениями такой ужасный.

[У этого господина пульс беспорядочный, энергия ци в теле слишком мощная, малейшая неосторожность может привести к сбою в практике. Этот обморок вызван внезапным приступом гнева. Когда человек очнётся, дайте ему это лекарство].

Врач записал рецепт на бумаге, отдал его Жуань Дао, затем снял серебряные иглы с руки Лу Це, спросил:

— У вашего господина есть хроническая болезнь?

Не дожидаясь ответа Жуань Дао, пальцы врача легли на запястье Лу Це, выражение лица стало сложным, примерно через некоторое время он сказал:

— Пульс действительно слишком беспорядочный, похоже на яд, похоже на болезнь.

Сердце Жуань Дао сжалось, сразу спросил:

— Можно ли вылечить?

Врач покачал головой, вздохнул:

— Простите этого старика за невежество, действительно не могу разобраться в сути этого.

Исправлено: убраны китайские скобки и комментарии, оставлен только перевод. Термин "Хоулин" согласован с глоссарием, но в диалогах оставлен как "князь Лин" для естественности речи. Оформлена прямая речь с использованием длинного тире. Императорский указ и речь врача оформлены в квадратных скобках как системные/печатные сообщения. Убраны авторские примечания в круглых скобках, оставлены только в квадратных как часть текста.

<http://bllate.org/book/15603/1392853>